

2.12.94

Ксенакис Янис

Сложн. - 1994. - 2 дек. - С. 10.

Танцующий Пифагор, светлый и неистовый

Музыка Яниса Ксенакиса на фестивале «Московская осень» исполнялась в присутствии автора

Юлия Бедерова

оявление на «Осени» мсье Ксенакиса, пифагорейца, парижанина, авангардиста, произвело в Москве фурор, шум и гам. Московская консерватория, устроившая встречу маэстро с преподавателями и студентами, но не припасшая для мероприятия ни проектора, ни приличного мела, была одарена книжкой. Потрясенная, но не готовая к диалогу публика задавала отчаянные вопросы, как то: «А не интересуетесь ли Вы феноменологией (астрологией, гносеологией, зоологией)?» «Не интересуюсь, не знаю», — учтиво и как-то радостно парировал мсье. И вопрошающие оказывались удовлетворенными тем, что знают больше всякого разного, чем композитор-компьютер.

«Московская осень-94» из-за приезда легенды послевоенного музыкального авангарда войдет в историю. Московский Ансамбль современной музыки п/у Анатолия Виноградова повторил мартовскую программу камерной музыки Ксенакиса. Но отчего-то не так удачно, как в марте, когда сочинения 1969–1989 годов в России игрались впервые. Теперь было много чувства, суровой борьбы за правильность ноты и ритма, старания, лучших намерений. Композитор с женой и издателем был в зале, и ансамбль, видимо, решил, что сдаст экзамен. Оно и понятно.

Днем позже в Большом зале, закрывшем вход на амфитеатр, чтобы набрать партер, премьерно звучала оркестровая музыка. Играла симфоническая капелла Полянского, дирижировал никому здесь доселе не известный Илья Машкович (Бельгия). На концерт в БЗК брелось с сомнениями, с тоскливым ожиданием привычно выкапывать суть музыки из-под обломков приблизительных интерпретаций. Но Машкович оказался великолепен: не по-российски сдержан, точен, интеллектуален и музыкален. Оркестр, хоть и посмеивался (что вообще-то есть полнейшее безобразие), когда неизвестно как на то решившийся молодой баритон Михаил Никифоров превосходно выпевал сложнейшие авангардистские структуры Ксенакиса, был послушен, звучен и пластичен. Пространство музыки, пульсируя, сжималось и разворачивалось. Материя мира диковато пела. Ксенакис был весьма доволен и, предав европейские обычаи, поцеловал руку даме — Татьяне Гринденко в произведении для скрипки соло и оркестра Doh-Orkh (1991 год).

Бывший отчаянный коммунист и участник сопротивления, грек, обретающийся в бездонном Париже, Янис Ксенакис (г. р. 1922) один в трех проявлениях — математика, архитектора и музыканта. Раненый в 44-м, приговоренный к смерти в 45-м, он давно уже может сколько угодно всматриваться в нагромождения облаков, рассчитывая теоремы формирования и эволюции дождевой капли. Теория вероятности, исчисление случайных изменений вектора дождя при падении на землю и феномен масс образуют «стохастическую музыку» (терминология автора, восходящая к математике Бернулли). А в телевизоре шумит что-то хаотически массовое из загадочного русского Эйнштейна, мешаясь с героическими картинками биографии. Афинский Политехнический институт, занятия композицией в Париже у святого птицелова Мессиана, 12 лет (до 1959 года) работа с Ле Корбюзье. (Они рассорились из-за некорректного поведения последнего в шекотливых вопросах авторских прав.) В 58-м Ксенакис-архитектор выстраивает павильон Philips на международной выставке в Брюсселе. В 59-м Ксенакис-композитор по тем же чертежам и расчетам выстраивает оркестровое произведение «Метастазис», начавшее историю стохастической музыки в эпоху притязаний додекафонии на новый универсальный метод.

Додекафония все притязает, а стохастическая музыка нагло расшатывает ей все основания. По степени погружения в реализацию идеи «поверил я алгеброй гармонию» Ксенакис так же далек от додекафонистов и бедного Сальери, как глубоководная ископаемая рыба от наивных плотв. И Сальери совсем уже жалко: разве стоило ради всего-то

алгебры лезть в бутылку, в благодарную историю, давать повод к мифологизации, травить товарища, неважно, в пространстве мифа ли, реальности ли. Парижский пифагореец ничего ничем не поверяет. Он просто не видит различий между акустическим миром, музыкой, физикой и теоремой. Запросто слышащий упругую танцующую поступь архаической Греции, он так же запросто обращается с таблицей Маркова, кинетической теорией газов, понятием звуковой туманности, т. е. множественного звукового бытия, формулами излучения радиоактивных тел, корреляции и порогов значения. В «Лаборатории математики и музыкальной автоматки» расчеты переводятся в систему знаков пространственно-временного музыкального объекта-текста. Дальше знай себе читай, если умеешь, текстом, который никаких не выражает ощущений, переживаний, событийности. Только пляшущая математика, звучание физического мира, беспредельной материи вокруг и внутри. Неясно лишь, в какой же точке (туманности) графической формулы ветвей деревьев или распада молекулы высшая математика оборачивается потрясением и ощущением музыки, рациональное — иррациональным, индустриально-павильонное — античным, урбанизм — разгоряченной полнотой архаики. Где происходит тихий обвал, смещение, будто — неслышно и легко — сквозь стену; будто освобожденный жест, начинающийся здесь и теперь, а завершающийся по ту сторону зеркала; будто виртуальная реальность ввинчивается в обыденную. Странный провал в неведомое царство, где противоречия, друг друга взламывая, с легкостью объединяются, тревожит больше, чем высшая математика. В конце концов каждый композитор немножко математик. Особенно в российском, зияющем дырками от бублика вместо музыки контексте. Здесь чем математичнее, тем академичнее и серее. Хотя, наверное, все дело в уровне постижения наук.

Мсье вспоминает, как, шествуя в толпе на давней коммунистической демонстрации, думал о бытии жестко организованных масс, выявляющихся из хаотических, беспрестанно и беспечно слоняющихся частиц — людей — ветвей — облаков — атомов — капель. Мсье говорит: «Индустриальный выбор — способ выживания», — и рассчитывает музыкальный объект, как дом или формулу, на чудо-компьютере. Но сквозь тотальную формализацию текста проливаются потоки света. И абсолютно ирреальность происходящего: физическое (акустическое), ясно слышимое биение атомов цельной материи друг о друга.

ПАВЕЛ ГОРШКОВ

4.33